

Кристофер Прист

Шлюхи

*Часть сборника
Архипелаг Грез (сборник)*

Кристофер Прист

Шлюхи

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Шлюхи / К. Прист — «Эксмо», 1978

«Наконец я получил долгожданную увольнительную. Оставив войну за спиной, я направлялся в порт на северном побережье материка. Задний карман брюк оттягивало портмоне, набитое крупными купюрами, а впереди ждали пятьдесят дней отпуска по болезни...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Прист К., 1978
© Эксмо, 1978

Кристофер Прист

Шлюхи

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

Наконец я получил долгожданную увольнительную. Оставив войну за спиной, я направлялся в порт на северном побережье материка. Задний карман брюк оттягивало портмоне, набитое крупными купюрами, а впереди ждали пятьдесят дней отпуска по болезни. Это время полагалось мне для реабилитации после мучительных недель в военном госпитале, но по всему выходило, что с выпиской поторопились. Рассудок по-прежнему пребывал под действием отравляющих газов противника, а восприятие действительности было основательно искорежено.

Пока поезд громыхал по унылым безымянным равнинам южного материка, я, кажется, научился различать на вкус музыку боли, привык к пляске разноцветных звуков. Моим единственным желанием было поскорее оказаться на островах.

В ожидании паром на Луис – ближайший остров Архипелага – я пытался, как учили в госпитале, распознать и разложить по полочкам собственные галлюцинации.

Кирпичные дома из местного песчаника благородного бледно-коричневого оттенка, которые между приступами я воспринимал как старинные и прекрасные, в моих синестетических иллюзиях облекались в самые чудовищные образы. Они презрительно хохотали мне в лицо и выпускали низкие пульсирующие звуки, сотрясающие грудь, а их стены на ощупь холодили, как удар закаленным клинком в сердце. Рыбачьи лодки в гавани переносились куда легче: они всего лишь издавали еле различимое на слух гудение. Армейское общежитие, где я заночевал, представляло собой скопище всевозможных ароматов. Коридоры смердели угольной пылью, обои благоухали гиацинтом, а одеяло обдавало дурным запахом изо рта.

Спал я плохо, постоянно просыпаясь от необычайно ярких и осмысленных снов. Один из них давно стал моим привычным кошмаром. Он возвращался ко мне каждую ночь с тех пор, как я оставил передовую. Мне снилось, что я все еще со своим взводом в окопах, мы пробираемся по минному полю, монтируя весьма изощренную систему наблюдения, – фантастически скрупулезная и технически сложная задача, – чтобы тут же ее демонтировать и отступить. Затем возвращаемся, снова ищем путь среди мин, снова устанавливаем систему, снова демонтируем ее, и так до бесконечности.

Утром от синестезии не осталось и следа, и это был хороший знак. Периоды ремиссии случались чаще и продолжались дольше. За последнюю неделю в госпитале меня накрыло только однажды, и врачи заявили, что им удалось победить болезнь. От этого новые приступы пугали еще сильнее. Хотел бы я избавиться от них навсегда, но никто не знал, как это сделать. Тысячи людей страдали от подобных симптомов.

Из общежития я отправился в гавань и вскоре нашел пристань, где швартовался паром. До отплытия оставалось около полутора часов, и я принялся бродить по улочкам вокруг гавани, отмечая про себя, что город, вероятно, был крупным центром поставки вооружений.

Никому до меня не было дела, даже вялым охранникам. Я забрел в один из складов, где своими глазами увидел ящики с галлюциногенными гранатами и нервно-паралитическими газами.

Денек выдался знойным, как дразнящее предвкушение тропического климата островов, куда я так жаждал попасть. Все вокруг говорили, что погода стоит не по сезону и область высокого давления в глубине материка вытесняет влажный тропический воздух на север. Горожане наслаждались неожиданным теплом, распахнув все окна и двери, а хозяева прибрежных кафе вынесли столики на улицу в надежде на невиданные барыши.

Я стоял на причале в толпе, ожидая паром. Это было старое, вонючее судно, вероятно, перегруженное, с неглубокой посадкой. Ступив на борт, я получил полный комплект синестетических ассоциаций: запахи солянки, просоленных канатов и нагретой солнцем палубы немедленно вернули меня в детство, когда я плавал вдоль берегов моей родины. Отравление вражескими газами научило меня распознавать все оттенки собственных ощущений, и спустя мгновение я был готов в мельчайших подробностях описать мысли, надежды и намерения, что владели мною в те далекие времена.

С билетом вышла заминка. Армейские деньги были в ходу, но у меня оказались слишком крупные купюры. Сдачи не хватило, и рассерженный паромщик велел ждать. К тому времени, как я расплатился и смог исследовать паром, мы отошли далеко. Берег раздираемого войной континента холмистой линией чернел на юге. Над нами кружили морские птицы. Палуба вибрировала. Впереди лежали острова.

Я возвращался на Архипелаг, место моих детских грез. В госпитале, истерзанный болезнью, когда мне казалось, что пища выкрикивает проклятья, солнечный свет напевает нестройные мелодии, а мой рот способен извергать лишь боль и страдание, я искал утешения в детских воспоминаниях об островах. На самом деле я был там лишь однажды, когда нас везли на фронт. Полоска зелени на фоне сапфировых волн. Их недоступность манила. Я, как и все мои товарищи, страстно желал туда вернуться.

– Отправляйтесь на Салай, – упрямо повторял санитар в госпитале. – Я был там и никогда не забуду.

– Расскажи мне.

– Нет, я не могу это описать. Сами увидите. Или на Мьюриси, самый большой из островов. Я тут знавал одного, его отправили туда защищать нейтралитет Архипелага или что-то вроде того. Или на Панерон. Слыхали о тамошних женщинах, о том, что они умеют?

– Зачем ты меня дразнишь?

– Вы ведь собираетесь после выписки на острова?

– Собираюсь.

– Вот там все и узнаете.

Однако пока я не знал ничего. Я плыл на пароме и думал о женщинах с Панерона. Мы должны были проплывать мимо этого острова, который располагался за экватором в северной части Архипелага.

Я изучил карту Срединного моря в кают-компании, чтобы найти острова, о которых мне рассказали. Салай, острова Серки, атолл Ферреди, Панерон, Обракская группа, Гантен, обширная цепь рифов и утесов под названием Воронка. А еще Виньо, откуда была родом сиделка Сленья. Именно из-за нее я часто задумывался о путешествии на Виньо. Как глубоко я заберусь вглубь Архипелага, сколько островов сумею посетить в оставшиеся сорок девять дней отпуска? Панерон, Виньо или Мьюриси?

Я нашел место на носу парома и принялся мечтать о женщинах. Я не переставал думать о них с тех пор, как вышел из госпиталя. На пароме путешествовало с десятков женщин, и некоторых мне было видно с того места, где я сидел. В глубине души я хотел каждую из

них. Одна расположилась напротив, откинувшись на выкрашенный белым борт и подставив солнечным лучам голые ноги. Я лениво прикидывал, так ли она красива, как мне мнится, или только кажется красавицей мужчине, отвыкшему от женского общества. Заметив мой взгляд, она не отвела глаз, а ободряюще посмотрела на меня в упор. Я отвернулся, не желая лишать себя выбора, бросаясь на первую встречную, ответившую на мой безмолвный призыв.

Она заставила меня вспомнить о Сленье. И я решил ее найти.

Сленья ухаживала за мной в госпитале. Именно она рассказала мне о Виньо, ее родном острове. Несколько ночей подряд, пока я лежал в больничной палате, одолеваемый странными видениями, она сидела рядом и рассказывала о себе. Описывала море, скалы, мелководные лагуны, крутые склоны, поросшие густыми лесами, города, построенные на узкой полоске плодородной земли между морем и скалами.

Присутствие Сленьи стало бальзамом для моих ран: ее голос отдавал мускусом, смех журчал, как весенний ручеек, окрашивая мои чувства в оттенки глубокого багрянца. Сиделка болтала без умолку, понимая, что я не отвечу, да и едва ли ее слышу. Но я внимал каждому слову. Она рассказывала мне о своем детстве: мать умерла рано, отец в поисках лучшей доли отправился на другой остров, оставив ее с сестрами на попечение родни. Чужие дети в чужом доме. Жернова бедности мололи, не зная устали. Когда пришли файандлендцы, стало совсем невмоготу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.